

Екатерина Дьяконова

Зигзаги ветров.

УДК 82-1/-9-31
ББК 84-44 Д93

*Любимый город растаял
В синей дымке, выбросив меня
из своей обители на
долгих 50 лет.
Он уже не мог спать спокойно.
В нем не было меня. Судьбонос-
ные ветры
Влекли меня с непреодолимой
силой.
Их зигзаги были неожиданными
как удар в челюсть.*

© Екатерина Дьяконова

Издательство «Хамелеон»
Санкт-Петербург
2007

Посвящается моим любимым –
Мужу Юрию Викторовичу и сыну Олегу

**Повесть. Ироничный взгляд
в прошлое.**

«...По холодному блеску
стальной колеи,
Поезда убегают и все не мои.
Счастливый я не нужен никому,
Счастливому быть стыдно одному,
Счастливый тяготеет к облакам,
К высоким звездам,
Где легко и вольно,
Счастливые, как боги,
А богам ни жалостно,
Ни горестно,
Ни больно.»
(Ф. Абрамов)

I. Детство и юные годы

Глава 1.

Чингисхан и я?!!

На моем генетическом коде вволю погуляли потомки Чингисхана, и во всю мощь разгулялся царевич Хасым, которому Иван Грозный за верную службу подарил город и назвал его городом Хасымом. Этот древний город на Оке впоследствии стал называться Касимов, откуда и появилась на свет моя драгоценная бабушка Мария Ивановна.

Татаро-монгольские гены влились в меня самым nepocтижимым образом и властно диктуют свою доминанту.

У моей бабушки были иссиня черные волосы, характерные скулы, не оставляющий сомнений разрез глаз, восточная склонность к предсказательству, ясновидению, лечению и гаданию.

На всю Рязанскую округу, в т.ч. Касимовский район, она была известна, как лучшая целительница. Если с рожистым воспалением к ней привозили на телеге, обратно больной шагал уже своим ходом.

А экзема, псориаз – для нее это были вовсе не болезни. За один-два сеанса от них не оставалось и следа.

Меня бабушка ничему этому не учила. Но многое мне передалось. Когда я раскидываю карты, сначала вижу просто карты, разложенные в определенном порядке. А чуть позже начинает откуда-то стекаться информация и становится ясным то, что находится где-то за пределами настоящего времени или географического пространства.

А лечить? Да хоть сейчас открывай клинику. Сознательно я никогда не практиковала лечение. Я же не врач, а инженер. Но обстоятельства иногда преподносили мне сюрпризы. О них я написала в предыдущей книге: «Путешествие дилетантов в Заокеанские дали».

Сколько раз в своей жизни я рвала карты на мелкие кусочки с расчетом и твердым решением никогда к ним не возвращаться, даже не приближаться. На это были веские причины.

Но сейчас не об этом.

В пять лет я, маленькая белокурая девочка ощущала себя личностью. У меня никогда не было ни кукол, ни игрушек. Дома были одни взрослые книги. Мама и брат любили читать. Любовь к игрушкам и куклам пришла ко мне много позже. А в пять лет все мои мечты были.. конь и сабля!

Вот где-то впереди невидимый враг. Я мчусь на коне верхом, сабля наголо. Я ощущаю себя воином, а совсем не маленькой девочкой. Сабля блестит в поднятой руке, благородные чувства переполняют меня. Я мчусь до конца улицы, выношусь куда-то на простор, конь бьет копытом. Прекрасный боевой конь, холодное оружие, строевая маршировка – все это будоражило и насыщало мое детское воображение. Откуда это, если не из глубин веков, от предков? Телевизора в помине не было. Кинотеатр «Ударник» в Ленинграде, где мы жили, находился через дорогу, я втихомолку бегала туда, но там шел всего один фильм, на который пускали – «Трактористы», который я видела 8 раз, после сеанса, прячась под сиденьями, но по своему сю-

жету он никак не мог зажечь меня воинственностью.

На территории ближайшей церкви «Никольская» было что-то вроде детской площадки. Она и была моей резервацией. Здесь воплощались мои мечты. Здесь я была и королевой и отважным воином. Я строила окопы и укрепления, замки и конюшни. Я долгими часами, когда мама была на работе, а брат был занят своими делами, сидела в песке на корточках и не замечала времени. Хоть я и была в детстве одиноким ребенком, но из этого одиночества выковывался мой характер. Это потом, когда я уже была студенткой института, мама утром будила меня поцелуями, уже после того, как меня потеряла и через годы — нашла.

В 4-5 лет я уже бегала одна по улицам, собирала конфетные фантики, складывала в коробочку, чтобы потом, подкидывая их ладошками, налетать на чужие фантики и их выигрывать. А сейчас я заигралась в песочнице дотемна. Мама пришла с работы, а меня нет, нашла меня там и увела домой.

Глава 2. «Раз-два!»

Как только я научилась ходить, начала маршировать. Ходить строевым шагом. Мой папа Геннадий был на военной службе, редко бывал дома. У него постоянно были учения, сборы, подготовки. А в то утро он как раз был дома. Я тихо вышла из дома,

скользнула под арку подъезда и очутилась на улице. У меня были длинные светлые волосы, мама убирала их в валик на бархатную ленточку. Выйдя на улицу, я пошла маршевым шагом до поворота. При этом повторяла вслух: «Раз-два! Раз-два!», думая, что меня никто не слышит. «Раз-

два!» - остановилась, чтобы развернуться и шагнуть обратно. И...остолбенела! Передо мной стоял папа. Сначала я увидела его ноги, потом подняла голову и увидела его смутившееся лицо. Смутилась сама, но не подала вида, обогнула его и молча пошла обратно строевым шагом, но уже не бормотала «раз-два!», без командного счета. Папа в оправдание сказал: «доченька, я шел за тобой!» И опять пошел за мной.

Дома мы об этом не заикнулись. Мой папа Геннадий имел странное отчество – Ямлихович. Случилось это так. У его бабушки умирали новорожденные дети. Кто-то из знахарей посоветовал: «родится младенец, сходи на большой перекресток и спроси у первого попавшегося человека этого пола, его имя. Так и назови!» Бабушка так и сделала. Прохожий назвался Ямлихом. Папиного отца так и называли. Второго такого имени я не встречала ни разу.

Характер мой твердел и кристаллизовался. Несмотря на мой мелкий возраст и внешнюю худосочность у меня был сильный характер. Я себя не утверждала, ни с кем не спорила, но все делала по-своему.

Со мной было мое будущее, в котором я была уверена. Я знала, что так у меня не будет. У меня будет по-другому. В дальнейшем так и было. Я исключила из своей жизни то, что мне не понравилось в детстве на любых примерах.

Некоторые случаи из моей жизни в 4-5 летнем возрасте я запомнила навсегда. Мама тоже их помнила, мы вспоминали и смеялись.

Глава 3.

На какую ногу?

Однажды, поздно вечером, когда родители и я уже легли спать, я вдруг решила сходить в туалет. Надо сказать, что папа никогда меня не наказывал и не раздражался ни от каких моих капризов. Но на этот раз было не так. Папа зажег свет в комнате, я встала с кровати и села на пол одевать хорошие черные валеночки на босу ногу. Натянула один, внимательно посмотрела, на ту ли ногу. Засомневалась. Сняла, надела на другую ногу. Но мне опять показалось, что валенок больше правый, чем левый. Поменяв валенки с одной ноги на другую, я поняла тщетность моих усилий. Но нацепить, как попало, я никак не могла, эстетическое чувство мне никак не позволяло поступить таким беспринципным образом. И я решила включить в этот сложный процесс похода в туалет моих родителей. Я спросила: «на какую ногу валенок?» Засыпавшие родители промолчали. Я повторила вопрос. Опять молчание. Мне было предос-

тавлено разбираться самой. Но меня все больше и больше одолевали сомнения, на какую же все-таки ногу прицепить этот злосчастный валенок? Я сидела на полу, меняя валенки с правой ноги на левую и наоборот, и уже громко повторяла вопрос: на какую ногу? Наконец, папа не выдержал, вскочил с кровати, за руку дернул меня с пола, дал шлепка и сказал: «Вот на какую!»

После такого внушения, у меня никогда больше не было сомнений.

Глава 4

Плакса

Примерно в этом же пятилетнем возрасте мама повела меня делать укол.

Понимая всю тщетность сопротивления, я послушно поплелась, ведомая за руку. Но на дороге из-за неотвратимости предстоящего неудовольствия, я решила поплакать. В поликлинике в кабинете врача я продолжила слезную атаку. Мама взяла меня на руки, освободила на ручке место

для укола и врач начала заговаривать мне зубы. Я на минуту забыла про слезы, отвлекалась и вдруг врач сказала, что все, укол сделан. Я опешила: как, уже? Но я же не плакала! Не плакать – никак не входило в мои планы! Врач об этом явно не догадывалась. Она подтвердила: Да, а ты и не думала плакать!» Ну, нет! Это было уже слишком. Через край! Моему потрясению не было предела. Я соскочила с маминых рук, помчалась к выходу на всех парусах. Мама за мной еле успевала. Мне сделали больно, и я не плакала! Небывалые впечатления переполняли меня. Едва мы пришли домой, я побежала хвастаться перед соседями, какая я смелая!

Я обошла все этажи подъезда. Звонила в каждую квартиру и когда открывалась дверь, я гордо сообщала: «Мне сейчас сделали укол, и я не плакала!»

Должна сказать, что, несмотря на мои воинственные устремления, поплакать я любила. Это было мое оружие, всегда готовое пуститься в мою защиту. Слезы меня не расслабляли, а мобилизовали. «Коня» можно было поставить в стойло, «саблю»

спрятать в ножны, сесть где-нибудь в уголке и всласть поплакать. И в дополнение к портрету, я картавила. Вместо Пашка, говорила Пафка, вместо «обижают» говорила – «обивают». Это дополняло мой неказистый портрет. Я была настоящим гадким утенком с последующим сказочным превращением.

Глава 5. Семейные неурядицы.

Брат Павлик был старше меня на 10 лет. У нас были разные отцы. Иногда он защищал меня от мальчишек. Но вообще он меня не любил. Да это и вполне понятно. Во-первых, я была любимой долгожданной дочерью папы Гены. А с его папой Андреем мама развелась вскоре после рождения Павлика и ему пришлось жить с отчимом. Во-вторых, он не видел в полной мере родительской ласки. Мама много работала, Павлик был предоставлен сам себе, как, впрочем, и я. Но меня любили, особенно папа. Когда он появлялся после во-

енных сборов, он не отходил от меня. С па-сынком все было по-другому. Однажды, когда меня еще не было на свете, Павлику было три года, мой папа побил его ремнем. Мама, придя с работы, увидела побитого, со следами ремня на маленьком тельце сына, не смогла простить этого мужу, и решила с ним расстаться. Она этим же ремнем избила папу, а затем взяла Павлика, и только взяв необходимые вещи, ушла с ним из дома. Не знаю, где она решила с ребенком обосноваться. Но только папа не мог этого допустить. Шел за мамой, просил прощения, обещал никогда больше не повторять подобной жестокости к маленькому ребенку. Но мама все равно уходила. Она не верила ему. Произошедшее ее сильно ранило. И вот, когда мама с Павликом переходила трамвайную линию на Садовой, папа преградил им путь, расположившись на рельсах. Ситуация была по-настоящему патовой. Мама вынуждена была отступить. Папа победил. Все отправились домой. Папа сам очень страдал от того, что ребенок вызвал в нем раздражение

до такой степени. Больше никогда не было конфликтов на эту тему.

В дальнейшем и мне пришлось целых девять лет жить вместе с отчимом с 13 до 22 лет. Но я была уже большая. Меня никто никогда физически не обижал. Да и попробовали бы!

Глава 6

Месть

Характер мой выковывался в детские годы, особенно он проявился, когда меня окрестили дочерью «врага народа». Когда случился арест сначала папы, потом мамы, я осталась в квартире одна, вместе с кошкой Ниточкой. Брата тоже уже не было дома, и я не ведаю, что пила и ела. Никто из соседей ни разу не протянул мне руку. Никто не сказал мне доброго слова. Вокруг меня было молчание, глухая оборона. Так как есть было нечего, куда-то делась кошка, наверное, ушла добывать пищу. А я не знала, где ее добывать, кроме магазина, но денег же не было! Это изгойство продол-

жалось два месяца. Не приходили даже родственники. На Дворцовой набережной жили два родных папиных брата – Александр и Константин. Они жили в доме №1, единственном жилом доме на Дворцовой набережной. Этот дом строился еще при Петре I. Одноэтажный дом с толщиной стен в 200 см. Этот дом претерпел не одно наводнение. Там жили мои дяди и двоюродные сестры – Шурка и Валька. А еще Аня и Ивака. При жизни моих родителей братья тесно и постоянно общались, встречались и в праздники и в будни, а когда я осталась одна, один раз я видела дядю Сашу. Меня забыли все. В то время я не анализировала хорошо это или плохо – что творится со мной и вокруг меня, я принимала все как должное. Но! Один случай я не забуду никогда. Родители соседских по двору детей запрещали им со мной дружить, нельзя было даже разговаривать. А однажды девочка из соседнего подъезда все же заговорила со мной. Это из окна увидела ее мама и как коршун выскочила, отвела девочку подальше от меня, отчитав ее за непослушание. Мама разъяренная уш-

ла домой, девочка осталась стоять там же, где поставила мама. Меня эта сцена здорово ранила. Что я сделала, и почему меня так ненавидят, за то, что я осталась без родителей? И я решила ответить на выпад совсем не по-детски. Я достала из кармана пальто «безопасное» лезвие, подошла к девочке и полоснула чинкой по спинке пальто, сделав аккуратный надрез по новенькой ткани бутылочного цвета. Девочка убежала жаловаться маме, а я ушла к себе.

Через некоторое время пришел чиновник из ЖЭКа и предложил мне освободить квартиру, попросту убраться. Мне некуда было пойти, кроме как в свою песочницу при церкви. Там меня и нашли чужие люди, определившие в интернат.

Глава 7. «Научите читать!»

Но самое интересное и необъяснимое со мной произошло в школе.

До школы ни мама, ни брат читать меня не учили. Даже буквы не показывали, как на-

зываются. Я их просила, но они были так заняты собственным чтением, что им было не до меня. Учись сама! Тогда я брала взрослую книгу, а других в доме не водилось, садилась посреди комнаты на маленький стульчик, клала книгу себе на колени и начинала «читать», изучая непонятные черные знаки. Я пыталась угадать, что за ними скрывается, какой неведомый мир таится за ними. Я рвалась в эту другую жизнь, но мне было недоступно даже понять, что «там» происходит. Ничего не угадав, я сама придумывала содержание. Так рождалась способность к сочинительству.

Итак, придя в первый класс, я считала, что букв не знаю. Но каково же было мое изумление, когда в первые дни занятий выяснилось, что я бегло читаю. Это я? Я же не знаю букв! В класс пришла комиссия, учительница Мария Николаевна вызвала пару учеников, чтобы они перед комиссией продемонстрировали свое умение читать. Но щегольнуть перед комиссией ей не удалось. Они что-то тянули по слогам. И вдруг вызывают меня. Я беру букварь и совершенно бегло читаю текст. Не ма-ма, па-

па, а целые предложения! Учительница была довольна, а я шлепнулась за парту, потрясенная. Я умею читать? И об этом не знала? С ума сойти! Дальше - больше. Я стала отличницей и старостой класса. Мою фамилию повесили на стенд, где символы изображали успехи в учебе. С самолета я не сходила все три года учебы.

Глава 8. Какая нелепость!

Далее, в первом классе чудеса продолжались. Они повторялись и во втором. В какой-то день я была больна и не пошла в школу. Подруги принесли мне задание – выучить таблицу умножения. Всю! Мне это показалось такой непроходимой, а главное, безнаказанной глупостью, что я заплакала. Зачем наизусть учить то, что написано на каждой школьной тетрадке! Какая нелепость! Ну и пусть учит тот, кто задал. Это был бунт. Мне казалось абсолютно невозможным выучить столько столбиков. Но поплавав, я все же решила прочесть эти ду-

рацкие перемножения. Увидела повторение, поняла закономерность.

Повеселела. Но самое невероятное было то, что этим же вечером я постигла всю таблицу умножения, что привело меня в неописуемый восторг и таблица уже не казалось такой бессмысленной и дурацкой.

Глава 9. Мои дорогие сказки!

Следующим поводом для светлой радости была первая самостоятельно прочитанная книга. Это были сказки Андерсена. Содержание сказок меня поразило. Я ощущала себя и горошиной, которая в стручке ютилась с еще четырьмя сестрицами-горошинами, плакала над Дюймовочкой, сердилась на крота, жалела бедного оловянного солдатика, и сочувствовала балерине. Все герои были мне родными, понятными. Эти образы наполняли меня с головы до ног. Я с ними ложилась спать и с ними вставала. Могу смело сказать, они

воспитали во мне Доброту и жизненную стойкость.

Второй моей самостоятельно прочитанной книгой была «Кавказский пленник» Л. Толстого. Счет был открыт. Чтение стало моим огромным, единственным утешением и счастьем. Я находилась с моими героями в их мире – непорочном и эстетическом. Позже, уже в 4-м классе, когда мама привезла меня в Харьков, я познакомилась с девочкой Ирой Мильской. Она жила рядом со школой, у них дома была прекрасная библиотека. Ира давала книги только на одну ночь, и мы с мамой до утра зачитывались Лидией Чарской. Мама читала вслух и за ночь успевала прочесть. Благодаря школьной подруге я познакомилась с замечательной литературой для моего возраста. Героями были благородные люди, преданные людям животные. А каким уютом веяло от приготовлений к семейным праздникам! На душе становилось тепло, радостно, ожидание будущих перемен манило и притягивало.

Меня всегда с самого раннего детства привлекали чужие освещенные окна. Они

притягивали меня, манили неразгаданной тайной. За занавесками таилась чья-то жизнь, чьи-то радости, надежды, тепло.

Я не могла оторвать взгляда в вечерней тьме от светлых квадратов, задрапированных плотной тканью. Часами я стояла, разгадывая чужую жизнь, душа моя трепетала в преддверии, что когда-нибудь и у меня будут неразгаданные окна.

Глава 10. Призвание

Любовь к куклам пришла ко мне уже во взрослом состоянии. То, что я в детстве не доиграла, ощутимо сказалось на моих пристрастиях. Начиная с пятого класса, я рисовала бумажных кукол, пририсовывала им бальные платья. Нарядов куклам у меня были целые коробки. Случайно попался журнал «Нива», еще царского издания. Там были изображены дамы в изумительных бальных платьях, украшенных розами.

Я была покорена нарядными красавицами и в дальнейшей жизни все мои собст-

венные наряды всегда имели элементы украшений. Шляпки, аксессуары стали моим призванием. Кони, сабли, военные марши – навсегда отступили, уступив место женскому началу. Хотя лошадей я очень люблю и уважаю и всех животных, считаю каждую особь личностью. Я абсолютно верю в мудрое изречение: «Взгляд зверя значит больше груды прочтенных книг».

Глава 11.

Интернат

Мою маму отправили в лагерь вслед за арестом папы. Папу на Кавказе судила тройка. К нам он вернулся только через 15 лет. Высшую меру ему заменили на ГУЛАГ. Мама пробыла в лагере целых три года. Судимость с нее была снята и ее досрочно освободили Верховным судом СССР. Судили якобы по ошибке. Все три года мама искала меня по детским домам путем письменных запросов. Из одного, где я находилась, ответили положительно – да, есть такая девочка.

Но незадолго до этого, как мама меня нашла, произошел интересный случай. Мне было сделано предсказание.

Однажды, выйдя из леса, где мы собирали ветки и сучки для растопки, подошли к нашему корпусу. Откуда-то взялась толпа цыган. Мы шли строем, парами, как ходили всегда. Цыгане приблизились к нам молча. Одна, самая высокая цыганка внимательно нас оглядела и неожиданно свой

зоркий взгляд положила на меня. Я была таким же вшивым, лысым заморышем, как и все, ничем не выделалась. Разве только болячкой на носу. Но под ее взглядом я сделала шаг вперед. Она взяла меня за руку, подвела к себе и изрекла: «Ты будешь красавица, счастливая, ученая, будешь жить с родителями». Тут дети запротестовали: «У нее нет родителей!» Но цыганка сказала: «Я не цыганка, я сербиянка! Я все знаю, у нее живы родители и она с ними встретится!» Я извлекла из-за пазухи маленький мешочек с сахаром, там было кусточков 8-10, и протянула предсказательнице. Она взяла, поблагодарила и они ушли.

Понятия не имею, по какой глупости мы все хранили в мешочках сахар, ведь он так нужен был детскому организму. Однако же он пригодился.

Прошло меньше месяца, как от мамы пришел запрос на меня. Потом мама писала мне письма, воспитательницы читали вслух и у них увлажнялись глаза. Мама писала мне: «Дорогая доченька! Скоро увидимся. Ты мой маяк, на который я плыву».

Мама приехала за мной сразу после освобождения. Я находилась в Ярославской области, Костромском районе. Была весна. Пароходы пока не ходили, но я не помню почему, - то ли лед не сошел, то ли был разлив. Мы ждали, когда Волга станет судоходной и отправимся к бабушке Марии Ивановне, маминой маме в Рязанскую область, вышеупомянутый Касимовский район.

Но об этом позже. Расскажу об интернате. Трехлетнее нахождение там было для меня второй школой выживания.

Нас было примерно человек 40-45. две воспитательницы – обе Антонины Ивановны. У них были разные отношения к разным детям. К некоторым они благоволили, эти дети висели на них, как спелые груши. Ко мне они никогда не подходили и не разговаривали со мной. Когда я стояла неподалеку, воспитательница детям что-то говорила, жестко глядя в мою сторону. Дети хорошо умеют усваивать отрицательную информацию.

Естественно, последствия сказывались незамедлительно. Когда я ложилась спать,

откидывала одеяло, а там красовалась зеленая мокрая лягушка. Лягушек я не боялась, спокойно выносила ее во двор и ложилась в кровать. Холод в душе стал привычным.

Каждый вечер мы клали на ночь сушить валенки на печку, они всегда были насквозь мокрые, так как калош не было. Если я клала на печку хорошие подшитые валенки, утром с печки доставала валенки без подошвы. До столовой и до школы доходила на пятках! Если я находила подо льдом шкурку от печеной картошки, откапывала ее кусочком, оставшимся на валенке подошвы, работая пяткой. Кормили жутко. Два тонюсеньких кусочка хлеба за весь день, раз в день пустая похлебка, один кусочек сахара и полстакана молока, разбавленного водой до величины целого стакана. Это – на сутки.

Мы были дистрофиками. Зато две наши Антонины Ивановны и повариха были в хорошем теле. Пышки.

Кто-то научил нас весной собирать березовый сок. Подвешивали бутылочку к березе, сок капал, наполняя сосуд. Привязала пузырек и я. Когда на другой день я

его отвязала, в нем ничего не было похожего на светлый березовый сок. Содержимое подменили. Я выбросила пузырек и больше не привязывала.

Летом нас заставляли работать в полную силу. Остригли наголо и, не дав никакой панамки, выставляли в поле наравне с колхозниками теребить лен, скручивая в снопы. Снопы считали и, если было мало по понятию старшего колхозника, нас лишали обеда – этих несчастных трех ложек пустого супа.

Летом ходили в лес за ягодами. Кругом были изумительные леса. Норма для сбора ягод была – четыре стакана. Земляники и малины. Мы не имели возможности полакомиться даже ягодами, которые собирали. Все обязаны были сдавать норму в общую корзину воспитательнице, которая сидела на солнечной лужайке, на пеньке и вела учет, умиротворенно поедая наш сбор.

Если кто-то не добирал четырех стаканов, лишали все того же «содержательно» обеда. Но в компоте, который варили из наших ягод, плавало нечто ягодное. Запах едва улавливался.

Как-то раз я напала на малинник. Все кусты были красные от ягод. Я увлеклась. И вдруг! О, ужас! Метрах в трех, с другой стороны большого куста стоял и самозабвенно ел малину медведь! Сердце от неожиданности ухнуло куда-то вниз. Я попятилась сначала тихо, а потом припустила, по лесу, что было духу. Медведь меня то ли не заметил, или ему было не до меня. Я благополучно смотала удочки, нашла своих, и все закончилось благополучно! Но эту встречу я не забуду никогда!

Есть хотелось до умопомрачения. Заглушали голод желуди, рябина, черемуха, какое-то растение, которое мы называли маком, но внутри бутона была черная сажа. Чтобы не сдохнуть от голода, мы ели такое, что лучше и не вспоминать. Это при том, что мы вкалывали в поле, как взрослые, боясь лишений еды и наказания. Но заболела я единственный раз – корью. Несколько дней лежала в изоляторе. Лежа там, заодно прихватила и «свинку».

Иногда мне выпадала очередь дежурства на кухне. В обязанности дежурного входило – мыть пол, чистить картошку, на-

крывать на стол и мыть посуду. Но сколько на кухне было всего! Столько еды, что оставалось только зажмуриться. За нами зорко следила толстая повариха. Было много сухого яичного порошка, целые ящики. Куда его девали, нам никогда этого не давали. Когда рядом не было поварихи, я с наслаждением запускала ложку в кулек с этим дивным лакомством и со страхом, засовывала ее себе в рот. Зачерпывала еще одну и быстро отваливала от притягательного кулька, боясь быть пойманной сличным.

Еще там была патока. Ею я тоже не брезговала, но редко удавалось побыть на кухне одной.

Один случай потряс меня всерьез и надолго. Это было начало весны, перед приездом мамы. С нами никто не церемонился. Если убивали свинью, делали это на центральной площадке, на глазах у всех детей. И однажды несчастной свинье мужик отрубил голову, голова упала, а свинья по инерции пробежала несколько шагов, и ее обезглавленное тело ткнулось в ближайшее дерево и свалилось.

Я случайно там оказалась, это было недалеко от школы, проходила мимо и, увидев это беспредельное зрелище, я сама чуть не рухнула вместе со свиньей.

Когда приехала моя мама, климат резко изменился. Хоть по-прежнему было голодно, но со мной была мама и душа понемногу оттаивала. Мама помогала на кухне и, чтобы меня подкормить, один раз принесла в узелке несколько вареных картофелин, закопала их в сено, в сарае, чтобы после прихода из школы меня угостить. В этом сарае пребывала коза.

Когда мама привела меня в сарай, коза уже облизывалась и на ее бороде торчали прилипшие кусочки кожуры и картошки. Картошка ей явно понравилась. Мы козе ничего не сказали, не к чему было славной козочке портить удовольствие. Я бы засмеялась, если бы тогда умела смеяться. Но в те годы лишений всего и всех я этого не умела.

Плакать я тоже разучилась, так как плакать было некому. Я перестала быть плаксой.

К маме отношение персонала было достаточно уважительным. Мама была человеком деловым, она все умела – шить, вязать, готовить.

Насколько нам, детям, было известно, заведующая нашим детским домом Варвара Семеновна тоже побывала в местах не столь отдаленных и благополучно обрела свободу.

Еще до приезда мамы я по очереди с другими детьми пасла гусей, вернее сказать, гуся, потому что он остался потом один. В этот день мы освобождались от других занятий.

Мы с гусем ходили по берегу реки, вернее, он меня вел, кося в мою сторону внимательным взглядом. Он пощипывал гусиную травку, от меня не отходил, и между нами была полная идиллия. Рядом была река под странным названием – Покша. Я усаживалась на берегу, смотрела на чистые бегущие потоки воды, радостные предчувствия наполняли все мое существо.

У одной из Антонин был день рождения. Жила она в деревне Шишкино, на горе. Мы втроем – я и еще две девочки, от-

правились к ней в гости. Надо сказать, что эта воспитательница после двух лет пребывания в интернате изменила ко мне отношение.

Может быть, она поняла, что не все, кого сажают, в чем-то виноваты. Но иногда, неожиданно для меня, я ловила на себе ее ласковый взгляд.

К этому времени участились случаи ареста родителей других детей. Я была уже не одна такая. Я отлично училась, была всегда исполнительна, никогда не нарушала установленный порядок и не жаловалась. Уловив поощрение Антонины Ивановны, мы отправились к ней в гости.

Она усадила нас за стол, поставила перед нами пустые глиняные миски. В них положила по одной крупной вареной картофелине. Больше у нее ничего не было. К этому времени уже и воспитатели перешли на урезанный паек.

Мы поблагодарили, взяли по картофелине, и ушли к себе.

Глава 12.

Мама

Встречу с мамой опишу коротко. Я находилась в школе, на перемене. Помоему был конец марта. В школу забежали с улицы дети и стали громко кричать: «Катя, беги скорее, к тебе мама приехала! Она в столовой!». Я сорвалась с места, бежала бегом до самого здания, где помещалась администрация и столовая. Вбежала.

У окна сидела незнакомая женщина. Лишь отдаленно черты ее лица напоминали мою маму. Располневшая, с гладкой прической, в вязаной кофте. Но все это замечено было после встречи. Сейчас я ее не рассматривала, я кинулась к ней в объятия без оглядки, но никакой родственной любви я к ней не почувствовала. Это было очень странно. Видимо, мой организм адаптировался без родителей и внутренне я была готова к дальнейшему сиротству. Сработала самозащита. Жить впроголодь целых три года, тяжело ишачить в поле, учась в 1-ом, 2-ом, 3-ем классах, зарабаты-

вая кусочек хлеба, терпеть моральные издевательства и физический дискомфорт – все это сделало свое дело по обеспечению стойкости к любым перипетиям в жизни.

Это уже потом мы с мамой вновь полюбили друг друга. Спустя год, два – я уже не мыслила прожить без мамы день. Позже, живя в Харькове, уезжая недалеко от города в пионерский лагерь, я горько плакала, что со мной не будет мамы. Расставание на две недели было для меня настоящей трагедией.

В годы институтской учебы, я была уже взрослая, и когда утром мне пора было вставать, мама никогда не будила меня словами. Она садилась рядом и молча, с упоением, целовала мое лицо и руки, пока я не проснусь. Мама всегда была моей первой подругой. Ей я могла рассказать все. Нежность и ласковость моей мамы ко мне сотворили чудо – внедрили в мою сущность крепкий стержень, помогающий справляться с самыми жестокими невзгодами.

Глава 13.

Бабушка Марья.

Три-четыре недели моего пребывания в интернате с мамой были сильно растянуты во времени. Мне не терпелось покинуть интернат и оказаться в других условиях, к которым я тянулась всем своим существом.

Наконец, пароходство дало нам свое согласие и мы отчалили. На пароходе мы плыли несколько дней. Я помню только мутные волны Волги за бортом и томительное ожидание.

И еще один случай. Мама попросила меня подойти к корабельному буфету и сказать непонятное - «языка». Что это – «языка»? Но мама сказала, чтобы я просто это произнесла. Я подчинилась. Подошла к тетеньке за стойкой и сказала: «Здравствуйте, языка!» Женщина выпучила глаза, попятилась, что-то сказала сотруднице, стоявшей рядом, и в ужасе спросила: «Что? Кто ты?» Я испугалась такой реакции, теперь уже попятилась я, а потом кинулась к маме.

Много позже я поняла ужас этих женщин: подходит тщедушный ребенок и общается, что он, видите ли, ЗЭК! Но мама побывала в местах, где этот язык привычен. Позже я никогда не выполняла поручений, которых не понимала.

Наконец, мы доплыли до бабушки, плыли по Волге и Оке до самого Касимова.

А в деревне Алешино и жила Мария Ивановна, мамина мама. Мы прожили там целое лето.

Мама временно устроилась в Касимове, в пароходство, по выходным приходила пешком к нам с бабушкой. Я, в ожидании ее, часами стояла на дороге, иногда далеко ходила встречать. Она появлялась со своей подругой Верой, с которой они вместе работали. Мне больше нравилось, когда она приезжала одна. Тогда для меня это был настоящий праздник. Мама принадлежала только мне.

В будние дни я играла на завалинке или просто бездельничала. Огорода у бабушки не было. Вернее, земля какая-то была, но она ничего не сажала. Зато сажали соседи, и я пробовала частенько их мор-

ковь. Она была очень сладкая. Еще я любила бодаться с маленькой козочкой. Рожки у нее еще не совсем выросли, но лобик был крепкий. Я становилась на коленки и своим лбом упиралась в ее невыросшие рожки. Козочка принимала игру, становилась в позу, упираясь ножками в землю, и мы состязались с ней на равных.

К бабушке приезжали больные люди. У кого «рожа», у кого экзема. Бабушка принимала их в горнице, шептала молитвы перед иконами, чем-то мазала больные места. Люди уходили довольные, оставляя ей то масло, то сметану.

Бабушка была запасливой. Прожитая жизнь научила ее этому. Иногда бабушка что-то готовила, но голод от меня не отступал. Хлеба не было. Бабушка из чего-то его пекла. Из чего-то такого, что он был черный, как сажа и торчали белые остяки, как из ежика иголки. Было много каких-то примесей и есть его было невозможно.

У бабушки был огромный сундук, и все ценное тонуло и растворялось там навсегда. Была коза, но молоко я видела крайне редко. Бабушке нужны были деньги

и она, наверное, его продавала. Однажды она ушла в церковь, а мне поручила подоить козу. Я охотно вызвалась. Коза была большая, но, по-моему, безрогая. Иначе, я бы сильнее пострадала после того, как я схватила ее за вымя. Прикосновение чужого, да еще и несолидного тощего существа показалось ей несусветным кошунством. Она так сильно отшвырнула меня своей головой, что я кверху ногами отлетела в ящик с сеном. Коза осталась недоенной до прихода бабушки. А я сделала для себя некоторые полезные выгоды.

Был в деревне какой-то праздник. На дворе стоял уже сентябрь. Но было тепло, солнечно. Деревенские девушки и их мамы высыпали на улицу наряженные. Слышалась гармошка. И я нацепила мамину шелковую зеленую в цветочек блузку, приладив ее по себе, из чего-то смастерила юбку, мамыны великоватые для меня туфли и тоже вышла на улицу. Это была первая моя импровизация «выхода в свет». Одежда была явно не с меня, но я была полна надежд на будущую свою неотразимость.

Ко мне подошла учительница алешинской школы и строго спросила, почему я не хожу в школу, уже началась учеба, идет сентябрь. Я ответила, что на днях уезжаю в Харьков, на Украину.

Глава 14. Многострадальное путешествие

В путь мы тронулись втроем: мама, бабушка и я. Ехать следовало из Казимова, каким-то окружным путем, почему-то через Волгоград (тогда Сталинград). Это было жуткое путешествие. Послевоенное время, поезда ходили редко, билетов в кассах не было как, впрочем, и денег тоже. Сутками пребывали на вокзалах, где все было забито людьми, мешками и фанерными допотопными чемоданами. Люди спали прямо на полу, сбившись в кучи. Надежды уехать практически не было. С невероятным трудом маме удалось взять до какого-то пункта билеты, но поезд не подавали. Есть было нечего целыми сутками. Где-то,

по случаю, мама приобрела мясо в виде головы какого-то животного, и когда разрезала, там ползали черви. Выбросив за пределы возможного это «аппетитное» яство, мы уже не помышляли ни о каком ценном съестном приобретении. Наконец, после многосуточного пребывания на вокзале, подали долгожданный состав, по-моему, до Волгограда, а нам надо было до Харькова. Несмотря на то, что у нас были куплены билеты, в вагон сесть нам не удалось. Его атаковали так, что даже подойти к нему было невозможно. Более сильные молодые люди оккупировали вход в вагон и внутреннюю его часть. А мама была с нами – я, маленькая девочка, старая бабушка и вещи.

Вход в вагон был полностью забит. Уже перед самым отправлением мама командовала: «лезем на крышу». Ничего более страшного в своей жизни до этого, да и после, я не видела. По каким-то перилам мы втроем взгромоздились на крышу вагона. Нашли место. Там уже сидели другие пассажиры. В каком-то документальном фильме я увидела движущийся поезд, а на

крыше вагона тряслись люди. Я еще сказала тогда своим:

«Хорошо, что поездки на крыше увечены в документальных фильмах, иначе никто бы не поверил, что это возможно».

Хорошо хоть, скорость движения была небольшая по сравнению с теперешними скоростями. Ветер сдул бы всех моментально.

Когда состав полетел по рельсам, было уже темно. Дул сумасшедший ветер. Казалось, сейчас сдует нас с крыши, вместе с чемоданом. А я была тощая, как стебелек, держалась за маму. Бабушка держалась за нас и чемодан. Поезд взвивался по насыпи, по мостам, грохотал, что было мочи, не обращая внимания, что жизнь наша висела на волоске. Прямо в наши незащитные головы светили яркие звезды. Боже! Когда кончится эта мука? Безумно хочется спать, есть уже давно не хочется, но спать нельзя, легко во сне можно скатиться вниз. Но голод, страх и усталость взяли свое. Мы уснули. А когда от какого-то толчка проснулись, никакого чемодана возле нас уже не

было. Там находились документы, фотографии и все остальное.

На какой-то станции нам удалось пересестъ с крыши в вагон. Мы были уже без вещей, налегке и хоть проход весь был занят людьми и вещами, мы с трудом протиснулись, все-таки это была уже не крыша, свалиться из вагона было нельзя. Я уже почувствовала себя счастливой. Мы все остались живы. На нас еще упадут тяжелые невзгоды, но мы жили сегодняшними днем и были полны надежд и радужного созерцания происходящего.

Еще сутки, другие и мы – в Харькове.

Глава 15

Смалец в рот не клади!

В Харькове жила жена маминого брата – тетя Полина. Она работала в райкоме, сначала инструктором, потом зав. отделом агитации и пропаганды. Приехал в Харьков и мамин брат дядя Павел. Он тоже находился временно у бабушки в Рязанской. Теперь приехал в Харьков, и мы жили все

вместе в хорошей двухкомнатной квартире райкомовского дома. Дом не отапливался в то время. Хоть для всех был голод, райком снабжался продуктами, пайками. Она приносила из райкома смалец, что-то еще, но продукты предназначались ее мужу, дяде Павлу. Мне запрещено было прикасаться к ним. Но сказался интернатовский опыт выживания из серии: «позабыт, позаброшен!», открывала буфет, где хранилось запрещенное, и ложкой черпала вкусное, густое, жирное. Без хлеба. Хлеба давно в глаза не видели. Однажды, тете Полине показалось, что чуточку уменьшилось количество содержимого в миске, и она мне строго выговаривала, что бедненькому ее мужу нужно лучше питаться (он был в хорошем теле), и мне нечего за его счет поправлять свое здоровье!

Я же была уверена в противоположном, но смалец от меня спрятали.

Вскоре тетя Полина была переведена во Львов, секретарем Обкома партии, не помню, вторым или третьим. Забрала дядю Павла и они отбыли. Мы остались втроем.

Позже они забрали и бабушку во Львов. Мы с мамой остались вдвоем.

И вдруг мама тяжело заболела. Температура была больше сорока. Ее трясло, подбрасывало на кровати, я поила ее из чайной ложечки поминутно, вытирала полотенцем лицо. Это был приступ малярии. Я куда-то бегала за хинином. Мама умирала. И никого рядом. Прощаясь, она говорила: «поедешь жить к Павлу»! Для моей психики это было большое испытание. Как к Павлу? Я же только что обрела свою маму и только успела ее полюбить, и она вот так страшно уходит!

Но хинин сделал свое дело. Сутки промучились, утром стало лучше и мама начала поправляться. Правда, еды почти не было. Мама только что устроилась на работу и заболела. Но, Слава Богу, все кончилось хорошо. Печку-буржуйку топили углем, уголь держали в ванной. Там находился и белый кролик. От угля он стал черным, но спал со мной, и такая же вымазанная была я. Однажды я заболела, пришла врач, откинула одеяло, посмотрела на нас с кро-

ликом и, ничего не сказав и не сделав, развернулась и ушла.

Как только мы приехали в Харьков, тетя Полина определила меня в школу, в 4-ый класс. Принесла мне из райкома новые коричневые ботиночки. Они были прелестные, сверкали мягким загадочным блеском. Но ходить мне в них пришлось всего несколько дней. Почему-то тетя Полина потребовала их обратно и куда-то отнесла. А для меня мама приобрела где-то сапоги из брезента, зеленого цвета! Военного образца. Кажется, они были из парусиновой ткани огромного размера. Я ни на ком таких не видела. Они вызывали смех у окружающих. Старое пальтишко на мне, из которого я давно выросла, было тоже зеленое, темно-зеленое. Когда я шла из школы домой, недалеко от моего дома на крыльце сидели дети. Они смеялись и пели: «ма-а-аленькой д-е-во-о-о-чке холодно зимой!» Я жутко смущалась, моя гордость была уязвлена, я не смотрела в их сторону, делая вид, что это ко мне не имеет отношения, молча ускоряла шаг. Послушав дважды эту жалобную песенку про себя, я изменила

маршрут, стала ходить из школы окружным путем, с другой стороны. Лишь бы в глазах детей не выглядеть беззащитной и маленькой. Я не могла перенести жалость к себе. Так я покончила с жалостливой, грустной насмешкой над собой.

В школе учительницей и классной руководительницей была маленькая еврейка – Ирина Давыдовна. Она насмеялась над моим ленинградским произношением, отличавшимся от харьковского. Она убеждала класс, что у меня деревенское произношение. Она не могла отличить городское от деревенского, и открыто критиковала меня, насмехаясь.

Из райкомовского элитного дома нас, мягко говоря, попросили. Уходить оттуда, вообще-то, не следовало. Но маме предложили другое жилье, худшее, и она согласилась. Помню, я ходила выбирать. Домоуправ показывал нам несколько квартир.

Мы в прежней квартире жили на законном основании, были прописаны. Но историю не переделаешь. Законы и права мы мало знали.

Глава 16

Катины уроки

Поселились мы на той же улице, ближе к центру в квартире с соседями.

Соседями нашими были тоже мать и дочь Катя. Катя Банвер. Она была старше меня года на два-три. Нельзя сказать, что мы дружили, да я и не знала, как это делается, дружить. Но один раз она мне здорово помогла. Я училась во второй смене, днем бегала к маме на работу, а оттуда в школу, через Харьковский мост. Однажды решила сократить путь и пошла по прямой, по замерший реке, по таящему льду. Дойдя до середины реки, до самого глубокого места, вдруг лед подо мной треснул, и я оказалась по грудь в ледяной воде. Портфель был подмышкой, я выбросила его подальше на лед, сама начала выкарабкиваться.

Недалеко, метров в двадцати, мужики рубили лед. Плавать я не умела, звать на помощь тоже. Но они меня увидели, однако на помощь не спешили. Работу бросили, смотрели в мою сторону. Меня это ободр-

ло и придало сил. Я по грудь была в воде, что-то удерживало меня на этом уровне, хотя на этом месте было сильное течение и только волею судьбы меня не унесло под воду. Я хваталась за край льдины, но лед обламывался. Каким-то толчком, как будто снизу, я выпрыгнула на лед, подхватила портфель, набитый учебниками и бегом помчалась с перепугу не домой, а в школу. Вдогонку мне рабочий крикнул: «Скажи папке, чтобы он тебе ж.. набил!» Я не отреагировала, ладно уж, благородные смельчаки, «спасатели»!

Когда я прибежала в школу, превратилась в настоящую сосульку. Меня срочно отправили домой, вся застывшая, насквозь промокшая, в квартире тоже было холодно, печка не топилась.

Но рядом была соседка Катя. Она разожгла «буржуйку», на трубу повесила мое форменное коричневое платье с белым кружевным воротничком и другие вещи, сняла с меня обледенелую обувь, завернула в старое одеяло и напоила чаем. Посадила возле печки. Мы пригрелись и не заметили, как от моего единственного платья повалил

черный дым. Я заболела бронхитом, но вскоре все прошло бесследно, без лекарств – их не было.

Наступила весна.

Как-то я заметила, что Катя куда-то каждое утро уходит. В школе она не училась, закончила семилетку. Стала ходить в босоножках, каких я еще не видела – черные с перепоночками и на каблучке! Моя невыразимая мечта с раннего детства! Я пристала к Кате, где купила, где взяла деньги? Она открыла мне секрет. Деньги она заработала, торгуя водой на «Конном» рынке. Она носила по рынку воду в ведре с кружкой и предлагала всем напиток, громко крича: «Кому воды холодной свежей, кому?» Этим я была ошеломлена.

Я оказалась очень практичной – сразу напросилась к ней в попутчики. На другое

утро я вскочила рано, подхватила ведро, и мы с Катей отправились на заработки. Катя шагает с ведром впереди, я за ней, тоже с полным ведром, которое еле тащу своими тонкими некормленными ручками. Но впереди маячит мечта – босоножки на каблучках!

«...Кому воды холодной, свежей, кому?» - раздается по рынку Катькин голос. Мы разделились. Она кричит, а я стесняюсь. Просто хожу с ведром. Меня и так видят и просят воды. Услуга эта, разумеется, платная. По-моему, 2 рубля кружка. Тогда, в далекие советские годы не было никаких киосков с водой, да и вообще никаких. Воды часто не было даже в колонках. Спрос на воду был. И я стала меньше стесняться. Поработав около месяца, заработала на босоножки.

Но осуществить мечту мне в то время так и не удалось. Ежедневный заработок я отдавала маме, а она тратила на еду для нас с бабушкой. Бабушка к тому времени переехала из Львова к нам. Босоножки отодвинулись на задний план. Ну, ничего, сказала я себе. Я умею ждать. Но прошло

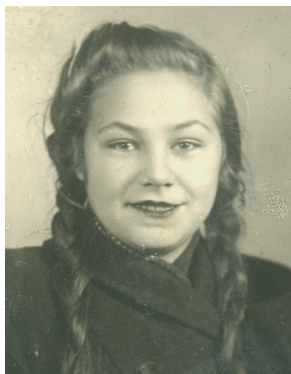
более десяти лет, прежде чем стала доступна обувь, которая приносила мне удовольствие.

Катины уроки я не забуду. Я уже тогда нюхнула, почем фунт бизнеса – а это тяжелый заработок. Не дадут мне забыть мозоли на ладонях, которые до сих пор украшают мои руки. Можно сказать, я стояла у истоков зарождения понятий о бизнесе. В дальнейшей жизни эти уроки мне пригодились. Продавала я уже не воду, а серьёзную технику, но не в индивидуальном порядке, а будучи директором организации.

Глава 17. Погорельцы.

Когда мне исполнилось 13 лет, мама вышла замуж за украинца Петра Васильевича Рыбальченко. Он люто ненавидел советскую власть, любил выпить и повеселиться. Мы оставили комнату на ул. Руставели и ушли жить к нему в маленький домик, в две комнатки, с удобствами во дворе. Как-то поссорились они с мамой, он

схватил ее, чтобы ударить. Я подскочила, отнять маму, но она вырвалась из цепких лап и выскочила во двор, я за ней, но потеряла ее из виду.

Подумала, что она опять помчалась в квартиру, но я не могла ее оставить и влетела в комнату. Отчима там не было, мамы тоже. Несколько секунд я стояла в раздумье, как мне выйти, не встретившись с дебоширом, и вдруг слышу в коридоре тяжелые пьяные шаги. Мне ничего не оставалось, как нырнуть под кровать. Тихо там притаилась, сердце бешено колотилось. Перед глазами маячили огромные ноги, они то топтались на месте, то неопределенно двигались, пытаюсь удержать равновесие. Я следила за моментом, когда они отдалятся, и я быстро вынырну из-под кровати. Когда он повернулся ко мне пятками, я мгновенно выскочила и стремглав кинулась через настежь открытые двери во

двор. Здесь я встретила с мамой, она не знала, где я.

Промучились мы с ним целых девять лет. А однажды, через 5 лет совместной жизни, он так повеселился, что дотла сжег собственную квартиру. Из-за размолвки с мамой, он из огромного бидона облил стены обеих комнат керосином и поджег, сам еле выбрался из черного дыма, на обугленных стенах остались белые отпечатки его рук, он мог идти, только нащупывая стенную опору. Мама была на работе, я в институте.

Я только что поступила на первый курс коммунально-строительного института, шел третий день занятий. Во время лекции из деканата в аудиторию зашел сотрудник и сказал: «Отпустите Маркову, у нее горит дом!» Когда я прибежала, сгорело все полностью, даже мебель. Одежда, учебники, документы, зимние вещи наши с мамой, все! Я осталась в чем была, в нарядном крепдешинном платье, без всякой надежды во что-нибудь спрятаться от зимних холодов. Я к этому времени, к своим семнадцати годам, уже имела огромное ко-

личество жизненных передряг и тяжелых испытаний.

Достаточно спокойно восприняла произошедшее. На носу зима, сгорели и обувь, и зимнее пальто. Попался какой-то материал, мне сшили из него хорошее зимнее пальто, но у меня его украли.

Деваться было некуда. После первого курса дневного отделения я перешла на второй, уже вечерний курс Автодорожного института. Его и окончила. Но все годы учебы я работала параллельно с учебой. После пожара мама не могла вытянуть мое дневное обучение. Я была привычна к работе, в интернате еще ребенком пришлось вкалывать по-взрослому и без зарплаты и почти без еды.

Глава 18. Работа

На работу я устроилась в проектную организацию по профилю моей будущей специальности по диплому. Я пришла в коллектив интеллигентных взрослых людей. В моем окружении ранее таких не было. Был только один культурный человек – мамин брат, дядя Павел. Он был филолог, окончил харьковский университет и работал над диссертацией: «Драматургия М. Горького». Он жил во Львове, приезжал редко, так что общения почти не было. А здесь, рядом со мной работали интересные, образованные люди. Я впитывала их высказывания, мнения. Надо сказать, что я

была неплохо начитана. Библиотека Короленко – была моим призванием. Даже лекции часто прогуливала в пользу библиотеки. Дни и вечера напролет читала все подряд.

Даже один раз случился казус. Была глубокая осень – конец ноября. В библиотеке шел ремонт, были открыты окна, но в читальный зал желающих пускали. Огромный зал к тому же тогда не отапливался. Обута я была в отнюдь не теплую обувь, да к тому же она была промокшей. Зачиталась я до того, что внезапно поняла, что не чувствую пальцев ног. Вышла из библиотеки, довольно долго тащилась в продрогшем полутемном трамвае. Когда дома разулась, я обалдело уставилась на свои абсолютно белые, без кровинки пальцы.

Читала я много и безо всякой системы. Поглощала тексты, запоминала интересное, выписывала поразившие меня мысли. Проектный институт, куда я устроилась на работу, назывался «Южгипроруда». Меня взяли секретарем в отдел генпланов. Но так я только называлась, а работала техником, чертила профили по дорогам. Накануне

прихода на работу 1 сентября, я очень волновалась и почти не спала ночь. Боялась, что покажусь незнайкой, ведь на 1-ом курсе мы немного в курсовом проекте занимались профилями. Но это было всего лишь учебные элементы, а здесь предстояло выполнять реальные. Утром к 8-ми часам я явилась в отдел. Мне дали рабочее место и задание. От страха у меня закружилась голова, да еще я не позавтракала в это утро. Только смотрю на миллиметровку, а клеточки поплыли куда-то, поплыли окна в отделе, больше ничего не помню.

Очнулась я на балконе, куда меня притащили, непонятно как. Я там на чем-то лежала. Видимо, очнулась я быстро, потому что врача вызвать не успели. На воздухе мне стало лучше. Надо мной наклонились новые сотрудники, стали спрашивать, что со мной, что болит. У меня не болело ничего. Прошел даже страх. Я вернулась в отдел, но меня в этот день отпустили. Сотрудники были озадачены – зачем приняли больную девочку? Но больше со мной никогда этого не случилось, и проработала я там три года.

Несмотря на то, что я много читала и о прочитанном уже имела свое мнение, в коллективе, куда я попала к умным, солидным людям, я почувствовала свое несоответствие в отношении с их познаниями и начитанностью. Женщина-геолог просто мне сказала: «Если вы не читали «Сага о Форсайтах» - вы не читали ничего!»

Для меня это было хорошим уроком и назиданием. Вскоре один сотрудник Юрий Никишов – тоже геолог, подарил мне эту книгу в 2-х томах. И она стала моей любимой книгой. Доброжелательные взрослые сотрудники положительно повлияли на мое становление и развитие. Но об этом – в другой книге.

II. Студенческие годы.

Глава 19. Лилька.

На первом курсе института была у меня подруга Лилька Зюбанова. Она приносила с собой бутерброд и делила его со мной. Мы много рисовали на занятиях по рисунку и после них. Преподаватель был ху-

дожником и поэтому считал рисование самым важным предметом. В «рисовалке» мы находились все свободное от занятий время. Особенно я и пара ребят. Один из них, Кравцов, рисовал левой рукой. Орнаменты получались у него изумительные. Обстановка была творческая. Я тогда не знала,

что изображать образы на бумаге, станет для меня очередным призванием.

Я уже писала, что в раннем детстве лошадь была моим избранным символом. И однажды я тушью, простым пером нарисовала всадника на лошади, отдала преподавателю и через некоторое время увидела на стене в фойе кинотеатра «Победа» свой рисунок. Он долго там висел, оформленный в рамку, пока не наступила следующая выставка.

На первом курсе случилась моя первая влюбленность. С нами на курсе учился парень Колька Степаненко. Высокий, статный атлет с нежным цветом лица. Что-то щелкнуло у меня внутри, под ложечкой, когда я определилась с названием своего чувства. Я по глупости поведала об этом Лильке.

И напрасно! Этим я дала неправильный толчок Лилькиному поведению. После моего признания она посмотрела на Кольку другими глазами. Если он нравится мне, значит, он должен нравиться и ей. Многие девчонки на Кольку заглядывались, но он смотрел только в мою сторону. Ни пол ша-

га навстречу ему я не делала. Однажды зимой, перед сессией я согласилась пойти с ним в кино. Это было уже после пожара. Был сильный мороз, у меня не было перчаток. Колька отдал мне свои. Я не взяла. Тогда он взял мои руки в свои, приблизил к губам и грел их дыханием. Я вела себя очень сдержанно. Приняла это только за дружеский жест. О поцелуях не было даже мысли. Чувства меня переполняли, но они не требовали выхода.

После сеанса я отказалась от провожания. Вместо того, чтобы поступить, как все нормальные девушки, ответить на его чувства, что сделала я? Ушла из этого института, окончив первый курс Коммунально-строительного, перешла на второй в Автодорожный. Предоставила всем влюбленным в Кольку девчонкам биться за него без меня.

А мне и биться было не надо. Он ставил меня вне поля битвы. Но я не могла плыть по воле чувства. Я никогда ему не подчинялась. Так было впоследствии и с Юрой. Только два года разлуки убедили меня, что Юра единственный, без кого я не

смогу прожить. Наши институты – откуда и куда я перешла, находились в одном районе в двадцати минутах ходьбы. Иногда мы встречались по дороге с бывшими однокурсниками, здоровались и проходили мимо. Встречался, хоть и редко, и Колька. Мы не останавливались, не разговаривали. Он не понимал, почему я ушла из этого института, был весьма озадачен и удручен. Лилька его атаковала. Она ему абсолютно не нравилась. Это был не его типаж. Длинноногая, несимпатичная с дурной фигурой. Потом я видела их вместе. Он на ней женился. Скорей всего назло мне, ведь я не оценила его чувства и, ни слова не говоря, исчезла. Женился, и что? Запил и они плохо жили. Родился сын, но они разошлись. Через много лет я встретила с Лилькой по работе. Она мне все это и рассказала. Я овдовела, и все последующие годы мне хотелось хотя бы на минуту увидеть Кольку. Я превратилась в элегантную бизнес-леди, с личной иномаркой Ауди-100, личным водителем и телохранителем. То время, после пожара, когда он теплым дыханием грел мои руки, безвозвратно ушло. Один раз я

сделала попытку увидеть бывшего однокурсника, пришла к нему на работу в строительную организацию. Но он оказался в командировке. Больше попыток увидеться не было.

В автодорожном институте, куда я перешла, у меня появилось несколько влюбленных поклонников среди студентов, но я никому не отдала предпочтения.

Глава 20. Костя.

На третьем курсе, где я училась в Автодорожном институте, меня угораздило влюбиться в нашего молодого декана – Костю Дорогана. Он сам недавно окончил наш факультет, остался при кафедре и вскоре его назначили деканом. Пушкин определил: «Любовь – это бриллиант в оправе страдания». Лучше бы в середине было маленькое страдание, а оправка была бы из бриллиантов! Но, Слава Богу, к Косте у меня не было никакой любви, а только легкая влюбленность. И кончилась она в один

один день – сразу после первого конфликта.

Он вел у нас курсовой проект – мосты.

Я вычертила по заданию изумительный металлический мост, я хорошо чертила. Подхожу к Косте вместе со всеми, сдавать курсовой, свое произведение искусства, на листе ватмана. Костя взял чертеж в руки и с сомнением спросил: «Это вы чертили?» Я онемела от такого вопроса. Я что, не способна что-то красиво и грамотно вычертить? Он обо мне так думает? Неужели он считает, что я в состоянии только сверкать ямочками на щеках, моргать длинными ресницами и удивлять фигурой, как выразился один студент «тончайшей ювелирной работы»?

А кроме внешних данных я ни на что не способна? Я, ни слова не говоря, вышла из аудитории. Направилась вниз по лестнице, в раздевалке получила одежду и выскочила на улицу, очень расстроенная. Обидчик, видимо, понял свой промах, потому что после своего следующего занятия, когда я уже вышла из института, он догнал

меня и спросил, в какую мне сторону. Я ответила: «В другую, чем Вам!» Это был полный конец моему короткому увлечению. А о начале – он даже и не догадывался. Я всегда избегала человека, который мне нравился.

Глава 21. Венгерские друзья.

В нашем институте учились многие иностранцы. Из соц. стран и даже один американец. Третий курс моих занятий был «богат уловом», хотя кто кого ловил, еще большой вопрос. Меня точно никто не поймал, но и одной мне не давали побыть.

Сначала меня начал провожать после субботних танцев в институте венгр Керекеш Паль. Он хорошо пел, выступал с русскими песнями по телевизору, был поэтому популярен. По-русски говорил великолепно, одевался модно и элегантно. Мы несколько раз ходили с ним на институтские вечера. И хотя он здорово прикипел ко мне,

даже письмо обо мне написал матери в Будапешт, меня он ни капельки не заинтересовал. Его мать прислала письмо моей маме. Оно начиналось так: «Дорогая советская мать!...»

Меня даже не спросил и даже не заметил, что я к нему равнодушна, а уже сватался. Должна сказать, что никогда со своими поклонниками я даже ни разу не целовалась. Они мне просто не нравились. А кто нравился, того я избегала, несмотря на то, что дома плакала от влюбленности.

Вскоре после отставки Паля, ко мне в институт во время работы над курсовым проектом подошел тоже венгр – Ференц Буркуш. Но этот был красавец. Если Паль был невысокого роста, Ференц был черноглазый атлет, темноволосый и стройный. Пока я целых три часа чертила курсовой в нашей «чертежке», он сидел напротив и не сводил с меня темных загадочных глаз. Мы познакомились. Однажды пошли вдвоем в юридический институт на вечер, посвященный десятилетию. Была зима. В гардероб сдали мое пальто и маленькую меховую шапочку.

Когда после концерта и танцев, мы направились в раздевалку, получили только пальто, а шапка кому-то понравилась. Однако его шапка была сохранена. Мороз был крепкий, и он надел ее на мою голову.

Я отмечала его прекрасную внешность и хорошие манеры. Но оставалась абсолютно равнодушной. Как-то мы в субботний вечер остались на танцы. Я не хотела с ним танцевать, а он стоял и плакал. Тогда я вообще ушла домой, оставив его там. Шла одна, по темным улицам, а он был мне не нужен.

Через некоторое время он начал ухаживать за дочкой нашего профессора Волкова, вскоре они поженились и по окончании института Ференц увез ее в Будапешт. Наверное, мне было не суждено попасть в Венгерский мятеж.

Почти в это же время, на третьем курсе, подруга по работе Майя Муратова познакомила меня со своим знакомым Виктором Морозовым. Он был лет на 8 старше меня. Преподавал историю. Очень был похож на Роберта Тейлора. Он мне понравился. Но, как я уже говорила, между мною и

кем-то всегда был непреодолимый барьер. Я не собиралась ни с кем связываться. Ну и что, что нравится? На здоровье. Думай, гадай на картах, плачь, но в сети не попадай! Это было мое кредо, моя самозащита. Своими чувствами я всегда умела управлять.

К тому же Виктор не очень любил ухаживать. И на фоне Керекеша и Ференца он сильно проигрывал. А я не допускала ни от кого малейшего невнимания и сразу давала отставку. Получил ее и Виктор. Мы оставались знакомыми, здоровались, улыбались, и я шла в свою сторону.

Глава 22.

Судьбоносное знакомство.

А однажды, тоже на третьем курсе, состоялось судьбоносное знакомство. С моим будущим мужем, Юрием Дьяконовым.

Мы с Майей Муратовой шли с работы, из Госпрома, по Сумской улице. Майя была старше меня на семь лет. Ей к тому времени было уже 28 лет. Она была из богатой

татарской семьи, хорошо одевалась и пользовалась дорогой косметикой. Я по оформлению ей и в дворники не годилась. У меня была одна мама, да к тому же, мы так и не оправились от пожара, обе работали, в институте я училась на вечернем отделении, заработанного едва хватало на самое необходимое.

Новое платье к празднику для меня было большой проблемой. А уж если удавалось приобрести какой-то шелковый материал, мы с мамой сами изобретали фасон, сами кроили и шили. Всегда украшали интересными отделками, цветами – фиалками, маком. И еще я обожала шляпки.

В тот день в октябре мы с Майей шли после работы вместе домой, на моей голове красовалась миниатюрная шляпка из василькового велюра с хризантемами на ушках этого же синего цвета. Шляпка плотно прилегала к голове, цветы по бокам завершали дизайн облика. Видимо, мне к лицу была эта шляпка, прохожие задерживали на мне свой взгляд, пытаясь подробнее рассмотреть обладательницу такой атрибутики.

Знакомый Майи, встретившийся нам по пути, тоже не остался исключением. Я отошла на несколько шагов, пока они беседовали, но он все время смотрел в мою сторону. Попросил Майю нас познакомить. Представился Аркадием, я тоже назвала себя, но в разговор не вступала. Попрощались, и мы с подругой двинулись дальше.

Я о нем совершенно забыла, когда вдруг через неделю Аркадий неожиданно возник возле вращающейся двери подъезда Госпрома, где я работала. Я была удивлена его появлению. Но он сказал, что сегодня у него день рождения и он приглашает меня отпраздновать этот необыкновенный день.

Около его дома на Сумской его ждали друзья - Юра Дьяконов, Лилька Апчиславская (чемпионка Украины по художественной гимнастике), Хавкин, Павка, Мирон – зять Аркадия, Коля Буравчик и Марат Пикельный. Аркадий познакомил меня со всеми и всех пригласил в дом. Друзья встретили меня очень приветливо. Напротив меня за столом сидел Юра.

Он смотрел на меня, и улыбка не сходила с его лица. Так стойко улыбочиво и

ласково на меня еще никто никогда не смотрел. Я была озадачена. На мне было элегантное креп-сатеновое платье бутылочного цвета с приколотым букетиком фиалок и васильковая шапочка из мягкого велюра. И при всем этом декоре мне был двадцать один год.

От ложной скромности я бы никогда не умерла, но скажу, что я знала правду о своих неестественно длинных ресницах, нежном цвете лица и ямочке на левой щеке. К тому же я любила смеяться. Даже преподаватель по политэкономии в институте называл меня колокольчиком. Через много лет, когда я друзьям на работе рассказывала об этом, я уже называла себя «похоронным звоном», надо сказать, я не брезгую черным юмором. На что один из братьев-сотрудников соглашался на «перезвон», а другой брат - только на колокольчик. Он говорил: никаких похоронных звонов и перезвонов нам не надо. Так и осталась я для них колокольчиком.

Эти два брата Алексей и Дмитрий с черным юмором тоже дружили. Иногда они так шутили, что потом просили у меня

прощения. А иногда они говорили: «Всегда знайте, что у вас есть мы!» Это «есть» выражалось только в одном, хотя и очень важном, они меня в душе жалели. А я ничего печального им не рассказывала. После потрясения, кошмара, что со мной, с нами произошел, я только через несколько лет начала смеяться и только с ними. Мне было смешно даже, когда повар Аня разлила на скользком полу полбутылки подсолнечного масла, я грохнулась на пластмассовой подошве со всей дури, ударившись боком об угол стальной мойки. Трещина в ребре и дикая боль. Еле встала и поплелась в соседнюю комнату (цех) к братьям смеяться!

Они здорово умели меня осадить, когда меня заносило с хвастовством. Как-то я притащила фотографию, где я стою во время отлива в Атлантическом океане. Голубое небо, две тени на мокром песке, на мне желтая крепдешиновая кофточка и юбка, шляпка и босиком. На фоне чистых нежно-голубых красок Атлантики, мой силуэт напоминал парящее существо. Все, кто видел фотографию, называли ее шедевром. А Алексей сказал: здесь какая-то

Бледная Поганка. И это меня развеселило. А эту фотокарточку я вставлю в эту книгу. Судите сами!

Но вернемся назад, к встрече с моим будущим мужем. Итак, Юра улыбался, шутил, смотрел и что-то для себя решил.

Вечер закончился. Аркадий проводил меня домой. Утром, когда я уходила на работу, на улице возле ворот стоял Аркадий. Он проводил меня до Госпрома. А вечером, после окончания работы, опять стоял на посту возле выхода. Он провожал меня до института, а к концу занятий вновь приходил и провожал меня домой.

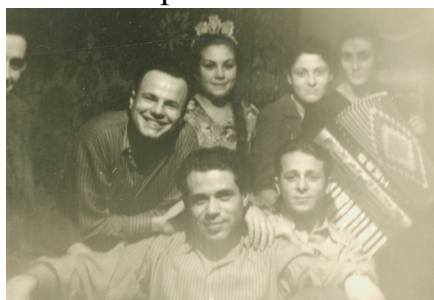
Это продолжалось каждый день. Из окна моего отдела, где я работала, он был хорошо виден, его фигуру все выучили и звали мордворотом. Но мордворот ничего не знал о своем прозвище и продолжал изображать из себя влюбленного юношу. Наступили октябрьские праздники.

Но как раз, накануне, в Харьков прибыл и должен был выступать известный артист Михаил Кузнецов. Он мне очень нравился по фильмам: «Матрос с Кометы» и «Щедрое лето». Я предложила сходить в

театр. Но Марат сказал: «Мы сегодня Кузнецова встретим в другом месте». И действительно, вечером пошли в ресторан «Интурист» и только мы успели расположиться, как вошел Кузнецов.

Прошел к дальнему столику, к нему поспешил официант. Мы выпили шампанского, стало весело. А Марат, надо сказать, был очень похож внешне на Кузнецова. И он, недолго думая, встал из-за стола и твердой походкой направился к артисту. Подошел, сел напротив и сказал: «Товарищ Кузнецов, что мне делать, меня с Вами все путают!?» Артист ответил: «Не знаю!» Он после концерта был голоден и устал, никакая похожесть его не интересовала.

Потом было празднование седьмого ноября. Мы с компанией были вместе, у какой-то зна-

комой Аркадия на улице Карла Маркса. Его ухаживания за мной продолжались месяцев 4-5. Но надеяться Аркадию было не

на что. Я оставалась к нему равнодушной. И однажды я сказала ему об этом. Он связывал меня со своей компанией, не больше. Он расстроился, но отступил не сразу.

1 мая этого же года мы с моей подругой Раей Дубровинской толкались в ряду демонстрантов. Колонны стояли, была скука, однообразие, хоть и играла музыка.

Стояли мы возле парка им. Горького. Неожиданно встретили Юру. Он был с фотоаппаратом. Фотографировались, потом он пригласил нас в парковый ресторан. Нам было весело, непринужденно, была солнечная майская погода, цвела любимая Юрина сирень, и все было в радужном цвете.

Мы отлично провели время, на демонстрацию уже не пошли, а поехали к Рае. Когда Рая ушла на кухню что-то приготовить, Юра сделал мне предложение. Он мне сказал: «Выходи за меня замуж, я люблю тебя с момента первой встречи. И больше ни о ком не могу думать!» Еще в трамвае, когда мы ехали из парка, я стояла и держалась за ремни, а Юра, не обращая ни на ко-

го внимания, целовал мою руку и прислонялся к ней щекой.

И потом, много лет спустя, он также на меня ласково смотрел, а когда я приезжала с работы домой и объявляла еще у порога, что у меня мокрые ноги, он в передней становился на корточки, разувал меня и мою босую мокрую ногу прислонял к своей щеке. А я стояла на одной ноге и держалась за его голову. Так мы и прожили 25 лет в счастье полного взаимопонимания и обоюдного сильного чувства.

Но тогда, в тот праздничный майский день на Юрино предложение я никак не отреагировала. Я слышала предложения уже не раз. И не относилась к ним серьезно. Смеялась, принимая за шутку.

К моменту нашей встречи Юра отслужил армию в авиации по слепой посадке самолетов. Там не было и в помине дедовщины. Служба была серьезной. Да Юра никогда и не позволил бы никому со своими товарищами что-то затевать. Отслужил два года и вернулся домой с удостоверением отличника боевой подготовки. До армии он уже окончил техникум. И вернувшись

домой, сдал вступительные экзамены на первый курс Харьковского политехнического института вечернего отделения. И через шесть лет, уже, будучи со мной в браке, отлично закончил механический факультет. При клубе «Строитель» Юра делал успехи в спортивной гимнастике и боксе. Когда он поступил в институт параллельно с работой, бокс пришлось бросить. Тренер приходил к нему домой уговаривать вернуться. Юра был надеждой тренера.

Юра прекрасно рисовал, писал стихи и перочинным ножиком вырезал фигурки из дерева. Позже он сам выточил специальные

инструменты для вырезания фигурок. Все его работы я поместила в сборник «Моя семья».

Забегая вперед, скажу, что у нас с Юрой родился прекрасный сын Олег – творческая натура. С раннего детства рисовал, много и целеустремленно. Во взрослую жизнь принес новое творчество – стихи, сказки, графику и в том числе на бересте. Эти работы приведены мной в сборниках под названием «Берега» и «Моя семья».

Юра всегда заботился о нас с сыном. Он постоянно находился в тревоге за нас. Если нам предстояла поездка, он старался все продумать и подсказать нам, как лучше сделать то или другое. И уже после ухода в другой мир он снился мне с предупреждением об осторожности.

А однажды, через год Юра приснился мне явственно, как будто бы это был вовсе не сон. Он сообщил, что не умер, а жив и где-то находился этот год, но где, он сказать не может. Был очень оживлен. Сообщил мне, что прибыл сюда, чтобы снова жениться на мне, только под другой фамилией. И назвал мне эту новую фамилию. Я

ее хорошо запомнила. От меня Юра потребовал выполнить одно условие – никому не рассказывать, что новый муж – это он! С такой фамилией я не встречала никого более 20 лет.

А однажды встретила. Это было года 3 назад. Мы были знакомы менее часа. Это было на станции Удельная в Санкт-Петербурге. Мы оба ждали разные электрички. Разговорились, оказались общие темы, смеялись, у него на даче ждет собачка, живет в городе, вдовец.

Ему надо было на другую электричку. Но он сел в мою, из-за этого ему предстояла пересадка. Попросил позвонить ему. Но, несмотря на то, что я почувствовала к нему какую-то незнакомую притягательность, я отказалась записывать телефон. Но он опять попросил как-то ненавязчиво, спокойно, записать. И только, чтобы не быть такой уж непреклонной идиоткой, я достала ручку и записную книжку. Он назвал имя, отчество и...ту фамилию! Внутренне я вся напряглась, но ни один мускул на лице не дрогнул.

Я не склонна относить все к совпадениям. А в стихийность я не верю абсолютно. В дальнейшем обстоятельства сложились таким затейливым образом, что мы больше не встретились. И все последующие годы я ни разу не встретила ни одного человека с такой простой, русской фамилией.

Возможно, причина кроется в том, что я не выполнила условие – сон поразил меня, и я через несколько лет рассказала его родственникам.

Годы нашей совместной жизни с моей дорогой семьей отдалены временем. Но до сих пор с восторгом ощущаю отсвет любви, который окутывает меня в свои ласковые, теплые покровы с головы до ног. Заряжает дивной энергией и помогает осознавать свою душу.